

Дискуссии

УДК 94(47):321(045)

Д.В. Пузанов

РЕВОЛЮЦИЯ: АКСИОМА, МИФ ИЛИ АБСТРАКЦИЯ? (ОТВЕТ А. Ю. ДВОРНИЧЕНКО)

Статья является ответом на полемический отклик А. Ю. Дворниченко по поводу публикации автора, в которой выдвигалось предположение о том, что процесс распространения государственных отношений в Восточной Европе можно рассматривать как волну докапиталистической революции. А. Ю. Дворниченко противопоставляет концепции мировых универсально-ориентированных революций свой собственный взгляд на историю России как на сугубо эволюционный процесс, в котором революциям нет места. Любая универсальная теория, по мысли А. Ю. Дворниченко, неконкретна. Однако и эволюционную схему русской истории А. Ю. Дворниченко, по мнению автора, нельзя назвать более конкретной, чем критикуемые им теории. А сама по себе национальная история не означает большей эмпиричности и конкретности исследования. Автор статьи приводит ряд дополнительных аргументов в пользу изложенной в 2018 г. теоретической модели.

Ключевые слова: революция, позитивизм, прогресс, национальная история, мировые религии, история России.

DOI: 10.35634/2412-9534-2019-29-4-637-649

Недавно нами была написана статья, в которой выдвинута идея о революционном характере изменений в Восточной Европе, произошедших во время становления государственных образований Хазарского каганата, Древней Руси и Волжской Булгарии. Мы назвали эти процессы «революцией 1000 года». Название не является оригинальным, такой термин уже применялся по отношению к процессам становления феодализма в Западной Европе. На вооружение был взят существовавший термин, но со значением, радикально изменённым. Формирование классов, на наш взгляд, вызревало эволюционным путём. А вот становление государственности, которое в это время происходит отнюдь не на западе, а на севере и северо-востоке Европы — мы считаем своеобразной протореволюцией. Проще говоря: самой настоящей, докапиталистической революцией [35].

А. Ю. Дворниченко написал полемический отклик на эту статью, выступив против попыток создания поиска универсальных историософских схем и противопоставляя им стандарты национальной истории. Также А. Ю. Дворниченко не согласился с тем, что в исследуемое время происходили кардинальные, революционные изменения. Да и государства в Восточной Европе этого времени, по его мнению, ещё не возникли. Скептически подходит наш оппонент и к самому феномену революции [20].

Наша статья изначально была нацелена на дискуссию, поэтому критике мы искренне благодарны. Формат полемики позволяет лучше защитить ряд предложенных ранее постулатов, тем более, когда критика исходит от маститого историка. Нам было лестно получить отклик на свою статью со стороны исследователя, который (что важно в контексте спора) обладает высокой компетенцией в разных предметных полях. А. Ю. Дворниченко внёс значительный вклад в разработку концепции общинно-полисной структуры политических образований в Древней Руси [43], изучение трансформации этих политических образований в условиях становления сословного общества [18]. Широкое признание обрели и историографические работы исследователя [15]. Известен А. Ю. Дворниченко и оригинальным взглядом на историю российской государственности, природу политических событий в 1917 г. [16; 17; 19]. Предложенная нами общетеоретическая схема действительно нуждается в концептуальной доработке и фактологическом наполнении. Отвечая на критические замечания А. Ю. Дворниченко можно, пусть и в очень малой степени, уменьшить этот пробел.

Конкретно-теоретические взгляды в отношении к «русской древности» (отсутствие классовых отношений, общинно-полисный характер древнерусских политических образований) у нас с А. Ю. Дворниченко схожи. Разнятся в первую очередь представления о характере научного знания. А. Ю. Дворниченко не раз выражал симпатии позитивизму, при этом подчёркивая, что речь идёт о его старых формах [15, с. 423; 16, с. 8]. Все позитивисты, как «старые», так и «новые», имеют одну черту. Критикуя метафизику и пытаясь выработать взамен ей собственные строгие научные теоретические постулаты, они сами, по вполне понятным причинам, не способны выйти за пределы метафизики.

В итоге, постулаты позитивистов не соответствуют их собственным строгим критериям и опровергаются самими же позитивистами [26, с. 88].

А. Ю. Дворниченко принадлежит к той версии позитивизма, которая постулирует существование теоретических концепций в объективной реальности. Исследователь верит в идеи, существующие сами по себе [15, с. 423]. Где, правда, они существуют, философия удовлетворительно так и не ответила. Это что: мысли Бога в духе Р. Декарта; «идеи» Платона; чит-коды от вселенной, если она всё-таки симуляция?

Теоретические взгляды А. Ю. Дворниченко, вероятно, стали одной из причин недопонимания отдельных наших рассуждений. Нет, мы вовсе не считаем революцию явлением, схожим с аксиомами Р. Декарта. Таких явлений, кажется, вообще не существует. Нет смысла сопоставлять революцию и с идолами рынка (площади) Ф. Бэкона, равно как и с мифами К. Г. Юнга. Идолом рынка, как мы теперь понимаем, можно назвать вообще всё. Это дело вкусов и парадигм. Возможно ли познание без «молчаливого договора между людьми об установлении значения слов и имён» [4, с. 309]? Вот и Ф. Бэкон не находит способов преодоления выдуманного им самим идола. Что касается К. Г. Юнга, его мифы конечно существуют. В мифотворчестве признавался и сам великий психоаналитик [46, с. 291]. А вот в существование «мифов, лежащих в основе человеческого сознания» [20, с. 92], равно как и коллективного бессознательного вообще, в свете новейших открытий верится с трудом. К. Г. Юнг конструировал коллективное бессознательное на базе «заимствованной» из естествознания универсальной энергетической теории. Беда в том, что сами представители естественных наук об этой теории ничего не знали [39, с. 100–101]. А после того как были обнаружены народы, у которых собственно мифология отсутствовала, равно как и интерес к далёкому прошлому [45, с. 144–146], уже невозможно утверждать, что «Мифы — это изначальные проявления досознательной души, произвольные высказывания о событиях в бессознательной психике» [47, с. 89].

Революция — абстрактная категория. Она проявила себя максимально конкретно в событиях XVIII в. во Франции (во время которых термин приобрёл близкое современному значение). Естественно, второго точно такого же события никогда не было и не будет. Но то же самое можно сказать и о французском феодализме: он не мог существовать, скажем, в Англии. После Французской революции, политическими революциями стали называть успешные восстания, в ходе которых государственная система кардинально перекраивалась в пользу буржуазии. Эпоха господства сословной аристократии подходила к своему закономерному концу.

В XX в. растущие антисистемные движения пытаются захватить власть. Одним из закономерных итогов обострения социальной борьбы по всему миру и стала Великая русская революция. Конечно, ультралевые революционеры вполне сознательно подражали революциям прошлого. В то же время, ряд важных явлений, сближающих Русскую революцию с великими европейскими, никак не зависели от субъективной воли человека. Изменения имели глобальный масштаб. Л. Е. Гринин, сравнивая великие революции, отмечает, что все они «очерчивают круг возможных социальных изменений на длительный период» [13, с. 110]. Результаты таких революций явно выходят за национальные рамки, распространяясь как посредством идеологического соперничества, так и путём войн (наполеоновских, Второй мировой). При этом возникающие непосредственно в это время линии развития оказываются тупиковыми, за революцией следует реакция, побеждают менее радикальные проекты [13, с. 110]. Если сравнивать те социальные изменения, которые утвердились в мире после Английской и Французской революций, то они вполне сопоставимы с Русской [13, с. 110–111]. Фактически, речь идёт об ограничении аристократических привилегий. Первенство Русской революции в открытии череды экспроприаций, разработке некоторых стандартов социального государства [12, с. 35–36], сложно отрицать. Значителен вклад революционной России в деколонизационные процессы, разработку новых стандартов международного права, формирование современных национальных государств [13, с. 100]. Особенно значимым оказалось влияние революции на страны третьего мира. Выражаясь словами И. Валлерстайна, в соперничестве «вильсонизма» и «ленинизма» происходит «политическая интеграция периферии миросистемы» [6, с. 151].

Если вспомнить слова С. Амина о том, что стадия индустриализации означает формирование капитализма в его завершённой форме [49, р. 130], то Русскую революцию, действительно, можно представить как важную веху расширения капитализма в мировых масштабах. Ведь формирование системы «реального социализма», социального государства, деколонизация, политическая интеграция периферии и промышленный поход на Восток — очевидные отражения одного и того же гло-

бального процесса. Хотя сам С. Амин писал о второй волне универсально-ориентированных революций более аккуратно, отмечая, что она могла устанавливать не только капиталистическую современность, но, возможно, некоторые элементы социализма [49, р. 32].

В любом случае, описанные выше закономерности позволяют рассматривать революции XVII–XX вв. как единую волну. При этом не следует волну понимать буквально. Речь идёт о том, что сложная глобальная система не устанавливается в одночасье. Сами по себе революции весьма конкретны и ограничены во времени. Хотя эффект от них действительно долгов, надо отличать революции от их «душеприказчиков». Волна революций — это всего лишь отражение последовательности радикальных изменений в сложной, постоянно мутирующей системе, состоящей из сильно отличающихся обществ. Здесь нет ничего общего со схемой «Н. А. Рожкова, где каждая такая революция длилась дольше, чем иная формация» [20, с. 91]. Да и масштабы мировой системы, и масштабы конкретного общества слишком разные.

Но можно ли говорить о политических революциях, которые не вписываются в логику мутаций капитализма? Кажется, что в период формирования цивилизаций происходит по крайней мере два явления, которые напоминают события капиталистической революции. С одной стороны, определённая социальная группа (чаще всего родоплеменная знать) должна терять некоторые привилегии, уступая их верховной государственной власти. С другой стороны, крушение родовых рамок, централизация культа (которая нередко сопровождает данные процессы) делают общество более универсальным, более восприимчивым к институализированным контактам с соседями. Как считает, например, Ю. Е. Берёзкин, американские цивилизации, так же, как цивилизации в Афроевразии, тяготели к объединению в единый мир-систему [1, с. 96]. Но даже если брать строгие критерии И. Валлерстайна, империя инков во всяком случае мир-империя.

Видимо, такая стадия человеческого развития, как государственная, в известной мере, универсальна. Да, её проходят не все народы, но в то же время, цивилизации способны возникнуть на изолированных территориях самостоятельно. Сложнее с капитализмом. Возникнув один раз, он настолько быстро охватил весь мир, что о его закономерности или случайности остаётся только гадать. Но если мировая цивилизация, в общем и целом, расширялась вширь и глубь — какому-то качественно переходу этот процесс должен был способствовать.

Так как революция во время становления государства похожа на капиталистическую лишь в очень общих чертах, мы и писали, что с точки зрения капитализма такая революция — «революция», или протореволюция. При этом одновременно согласимся с И. Валлерстайном: «рынки», «фирмы», «множество государств, связанных межгосударственными отношениями; домохозяйства, классы, статусные группы», — всё это плод капитализма [8, с. 87]. Вопрос ведь в определениях и в уровне абстракции.

А. Ю. Дворниченко настаивает на своём понимании государства. Но если заменить слово «государство» на слово «цивилизация», многое ли изменится? А. Ю. Дворниченко сам признавал наличие стадии цивилизации, которая наступает на Руси после принятия христианства в конце X в. То, что это качественный переход выходит и из построений самого исследователя, поскольку возникает письменность и монументальная архитектура [14, с. 80]. Вообще, развитие городов, письменности, архитектуры — одни из немногих показателей, по которым можно судить о появлении государственности по данным археологии. Но это также является наглядным показателем прогресса, вне зависимости от идеологических трактовок.

А. Ю. Дворниченко поддерживает идею М. Берента, согласно которой слабо бюрократизированная полисная структура Древней Греции, где политические институты не обладали достаточной монополией на насилие, а государство будто бы не эксплуатировало население, не может рассматриваться как государство. Исследователь распространяет это положение на полисную систему Древней Руси. При этом А. Ю. Дворниченко усиливает акцент на государстве — аппарате насилия [15, с. 425; 16, с. 195].

В данном случае важно не путать причины и следствия. Там, где появляются специализированные надобщинные политические институты, появляется и определённая монополия на применение насилия (иначе, зачем институты?). Как она осуществляется — другой вопрос. М. Берент сам прекрасно описал и существование в древнегреческих полисах специализированных политических институтов и способы применения ими насилия [2, с. 238–239, 242]. М. Берент ссылается на определение государства, данное Э. Гиллнером: «Государство существует там, где специализированные органы поддержания государственного порядка, как, например, полиция и суд, отделились от остальных сфер общественной

жизни» [2, с. 238]. Но такого государства, в действительности не было и в феодальной Европе, отличие лишь в том, что на юридическую систему полиса решающим образом влиял гражданско-общинный характер общества, в то время как запутанная система феодальных судов определялась сословной структурой и сословными привилегиями. Феодалы в этой системе, конечно, имели явные преимущества. Но монополией на насилие они обладали далеко не везде. Свободных могли судить свободные [3, с. 364]. Сложно определить также, что считать органом принуждения. Н. Н. Крадин к числу таких относит дружину, которая может существовать в развитом первобытном обществе [25, с. 46]. С другой стороны, существуют государства, в которых отсутствует даже постоянное войско, как и другие оторванные от общества институты насилия [25, с. 47]. В этом отношении, политическая система Древней Руси, с княжескими дружинами и сильно ограниченным, но всё-же относительно бюрократизированным княжеским судом, обладавшим с XII в. бюрократическими возможностями осуществлять принуждение [44, с. 20], — вполне себе может считаться раннегосударственной системой.

И. Я. Фроянов весьма определённо писал о времени возникновения на Руси «аппарата насилия»: это время господства родоплеменной организации, когда «оторванная от народа и опирающаяся на насилие публичная власть упражнялась преимущественно на покорённых и покоряемых племенах» [42, с. 22]. Так ли уж важно, что насилие в данном случае было направлено вовне? Тем более, что (как отмечал И. Я. Фроянов), в X–XII вв. «центр тяжести с внешней эксплуатации в форме даней переместился на извлечение доходов внутри общества в виде кормлений» [42, с. 63]. Исследователь отрицал классовый характер такой эксплуатации на том основании, что у «меньшинства» не было монопольной собственности на средства производства (в данном случае землю). «Само же по себе сосредоточение публичной власти в руках определённой группы людей» не означало наличие классов [42, с. 89]. Интересно, что к формам государственной эксплуатации М. Берент относил и взимание налогов [2, с. 236]. И. Я. Фроянов к архаичным способам эксплуатации совершенно справедливо относит даже дань [41, с. 190].

В обществе, где неразвита бюрократия, естественно, государство плохо выделяется из общей структуры «гражданского общества». Но пика своего развития бюрократическая система, а, следовательно, и государство, достигают только при капитализме. Так ли уж важно, в этом отношении, отделять государственность от цивилизации?

Так же, как мы, А. Ю. Дворниченко признаёт понижение статуса прежней родо-племенной элиты, точнее даже её физическое уничтожение на Руси в период перехода к цивилизации. Признаёт исследователь и то, что полисная структура Руси давала большую свободу индивида, по сравнению с родо-племенным строем [17, с. 118]. Мы не согласны с характеристикой ранней Руси как вождства, но это уже повод для другого спора.

Само по себе распространение религии конечно не говорит о социальной революции. Показательным примером тут может служить общество мусульман-туарегов, в котором отсутствует духовенство, сохраняются традиции матриархата, а молодёжь пользуется значительной сексуальной свободой до брака [33, с. 123–124]. Другое дело, когда религия становится государственной идеологией. Надо всё-таки отличать религию как социальную организацию, элемент самосознания, элемент цивилизационного развития и культурно-философскую ценность. В последнем своём значении христианство «скользило по поверхности» не только «древнерусского общества», но и общества XIX в. Народ убивал тогда ведьм не потому, что они «слуги дьявола», а потому, что верил во вредоносное колдовство. Интересно, что подобно тому, как описано в древнерусских источниках, в Новое время ведьму определял специальный человек, нередко знахарь (в древнерусских источниках волхв) [34, с. 182–183]. Так были ли волхвы жрецами?

Не очень-то «отставала» в этом отношении и Западная Европа. Например, в 1895 г. на Британских островах муж совместно с соседями сжёг заживо свою жену, придя к выводу, что она на самом деле *сида*, а его настоящая жена украдена злыми духами. В ночь супруг отправился к специальному холму, встречать свою «настоящую» супругу, которая, естественно, не появилась. Суд признаёт убийцу вменяемым [31, с. 332].

Деревня продолжала жить своей жизнью, далёкой и от стандартов христианского благочестия, и от культуры индустриального города на протяжении всего европейского «большого средневековья». Могло ли христианство сразу и в полном объёме завладеть массами? Конечно, нет. Но требовалось ли это? Даже в Древней Греции народный культ сильно отличался от того, что учёные умы

обычно воображают при словосочетании «древнегреческое язычество»¹. А вот некоторые скептические в отношении к языческим суевериям высказывания Яна Вышатича или Серапиона Владимирского иногда так и хочется зачитать иным современным малообразованным попом. И дело тут вовсе не в языческом наследии. Цивилизация предполагает деление культуры на народную и элитарную. Следует ли доказывать, что на Руси интеллектуальная элита возникает не благодаря продвинутому социальному расслоению? Просто появился новый, ранее неизвестный институт. И он принёс с собой письменность, монументальное строительство, протонаучные знания, идеологическое обоснование власти. У него были в руках те ресурсы, которых не знало и не могло знать славянское язычество. Путь, который проходила идеология, развиваясь от традиционных культов к мировой или национальной религии многие тысячелетия, на Руси и в Волжской Булгарии был преодолен почти мгновенно. Конечно, это более ощутимый переход, чем простое количественное распространение влияния церкви на государство и общество после монгольских завоеваний.

Описанные изменения сильно опережали время. Они стали возможны только благодаря цивилизационному окружению. Естественно, периферийное положение Восточной Европы вносило существенные коррективы в эти процессы. Мы вовсе не сторонники преувеличения степени христианизации Руси в домонгольский период. Но есть и обратная тенденция, тоже возникшая ещё в дореволюционной России: преувеличивать степень развития славянского язычества и считать всё народно-христианское старым, языческим. Ещё И. П. Сахаров тщательно фальсифицировал издававшиеся им заговорные тексты, выкидывая из них упоминания всего христианского [36, с. 149]. А в наше время даже докторские диссертации по юридическим наукам защищают на базе неких «славянских вед» [21]. Впрочем, «поразительными открытиями» нас радует не только псевдонаука. Иногда и конструктивные особенности русских православных храмов возводят к язычеству [22], а имеющие точные аналоги в византийской иконографии и прозрачную расшифровку (в соответствии с апокрифической традицией) змеевики-амулеты рассматривают как изображение славянских божеств [5; 10].

Перегибы возможны в любую сторону. То, что мы мало знаем о славянском язычестве, конечно, позволяет создавать целую галактику из своеобразных «чайников Рассела». Только какова научная ценность у этого космического «сервиса»? С уровнем развития славянского язычества не всё просто. Вот, например, что на самом деле пишет Г. Ловмянский, на которого ссылается А. Ю. Дворниченко, чтобы доказать культурное богатство русских традиционных верований: «Принципиальный комплекс верований у славян представляла полидокия». «Первые элементы политеизма», по мысли Г. Ловмянского, возникают у индоевропейцев «на почве контактов со странами “плодородного полумесяца”»; однако же в II–I тыс. до н. э. эта форма распространилась только в средиземноморско-индийской сфере; к германцам она проникла только в I в. н. э. благодаря контактам с Римом; у славян обозначилась лишь в X в.; балтам же, возможно, она вообще осталась неизвестной» [27, с. 319].

Прогресс идеологической системы вообще сложно как-то оценить вне её институциональной составляющей. Даже прогресс в технологической отрасли — это не расшифровка «мыслей Бога», а способность научных сетей более грамотно и сложно преобразовывать окружающий мир. Вне прогресса лабораторий и сообществ учёных бесполезен и прогресс научной мысли. Так и развитие религии сложно оценить вне структур общества, в которых она функционирует.

Политическое устройство Руси XI–XIII вв. формируется, по большому счёту, уже после «крещения». В этом отношении христианская церковь не могла заменить функции жрецов, если таковые вообще существовали в Древней Руси. Не имеет особого значения и то, с какой целью вводилось христианство. Люди очень редко предугадывают последствия своих действий. Но были ли такими уж реакционными намерения полянской общины и князя Владимира? Да, они стремились сохранить власть над подчинёнными племенами. До этого была проведена неудачная религиозная реформа. Но вряд ли они думали: «как бы сохранить наше вождество от надвигающихся перемен». Тогда такие слова-то не были известны. Поляне стремятся ликвидировать местные племенные культы, чтобы лишить идеологического обоснования родовую власть подчинённых племён. Это стремление заставляет их отказаться от собственной племенной религии и искать идеологической поддержки в христианстве. Что здесь реакционного?

При этом действия Владимира, иногда, по-революционному новаторские. Он даже пытался казнить разбойников по примеру византийских императоров [30, с. 91]. Реформа, конечно, провали-

¹ См. напр. замечательный труд по греческой народной религии [32].

лась, но едва ли кто будет отрицать определённое влияние христианства как на церковное, так и на светское древнерусское право. Во всяком случае, первые переводы византийских юридических сборников появляются фактически сразу же после введения христианства [30, с. 91]. Да, рецепция византийского права была существенно ограничена. Но само по себе возникновение письменного права — разве не качественное изменение?

Поскольку мы писали о революции как факторе, утверждающем государственные отношения, а в Восточной Европе происходила пассивная революция (имеющая региональное, а не мировое значение), то, естественно, политическая организация на тот момент сохраняла племенной характер. И в своей статье мы обратили внимание, прежде всего, на мероприятия, ущемлявшие в правах племенную знать. В отношении Хазарского каганата мы действительно допустили оплошность. В статье мы писали о попытке образования государства в Хазарии. При этом опираясь на работы В. С. Флёрова, который на археологическом материале показал, что процесс образования государства в каганате шёл, но не был завершён [40, с. 265]. Фактически, обозначенная нами революция проиграла в Хазарии. Это сделало возможной победу племенного сепаратизма. В то же время, если критерии В. С. Флёрова применить к Руси и Волжской Булгарии, то государственный уровень этих цивилизаций вряд ли может вызывать сомнения. Этого мы в статье чётко не оговорили.

А. Ю. Дворниченко абсолютно прав, когда утверждает, что феномен политической революции «крайне плохо изучен» [20, с. 92]. Но революцию нельзя понять вне понимания эволюции. А с последним тоже есть серьёзные проблемы. Раньше вроде было всё просто. Если за культурную эволюцию брались расисты (вроде Ж. Гобино и Г. Рюккерта), они утверждали, будто бы для каждой цивилизации имеются свои собственные законы, поскольку и расы разные. Те, кто отстаивал единство человеческого рода, настаивали на единстве и человеческой истории. Сейчас расы некоторые заменили генами... Но возможно только потому, что гуманитарии обычно воспринимают популяционную генетику в духе «кандидата против всех», т. е. как благозвучное название нетривиальной евгеники (без ненужных отсылок к преступной практике Третьего рейха и доброй части «демократического» Запада в прошлом).

В то же время, у многих есть осознание того, что культура имеет свои собственные потенции для эволюционного развития. Даже биологи пишут, что социальные изменения генетически строго не детерминированы [23, с. 192–196]. Но механизмы таких изменений по-прежнему плохо изучены. Из биологии в гуманитарные науки давно пришло отрицание теологической схемы развития с единственным возможным финалом. Вначале эта схема примерялась к линейной эволюционной. Потом некоторые стали отказываться от линейной эволюции вообще.

Надо сказать, что и в биологии с механизмами эволюции далеко не всё понятно. Существует, например, «Теория прерывистого равновесия», согласно которой эволюция «происходит рывками, перемежающимися периодами длительного застоя» [23, с. 180]. В этом отношении, даже если бы категорий, обозначающих радикальные изменения, в нашем языке не существовало, их надо было бы выдумать.

Чем же нас привлекла именно идея волновой природы революций С. Амина? Нет, фамилия и имя исследователя тут не причём. Мы — не «кандидат против всех» наоборот. Мы, конечно, понимаем, что среди приезжающих во Францию выходцев из стран ислама есть талантливые люди, которые оканчивают французские вузы, получают во Франции PhD, преподают в университетах Франции и становятся популярными на Западе. Таким был С. Амин — сын француженки [50, р. 139] и копта². Он стал известен благодаря своим трудам по капитализму. Работы С. Амина известны именно на Западе, где они активно переводятся. На русский же язык не переведена ни одна его значимая монография.

Но это не имеет никакого отношения к делу. Идея универсальной революции нас привлекла в первую очередь потому, что она возвращает глобальный масштаб явлению. То, что было очевидно ещё К. Марксу: Английская и Французская революции «выражали в гораздо большей степени потребности всего тогдашнего мира, чем потребности тех частей мира, где они происходили» [29, с. 115]. При этом Прусскую мартовскую революцию классик считает непоследовательным «вторичным явлением», жалким отголоском «европейской революции в отсталой стране» [29, с. 115]. Далее он сравнивает Прусскую революцию со светом, который доходит до нас от уже погасших звёзд [29, с. 115–116]. Таким образом, ещё К. Маркс видел в распространении революций волны (пусть и световые), и знал деление на революции международного значения (сиречь великие) и вторичные, региональные.

² Если верить знавшему С. Амина лично Б. Ю. Кагарлицкому [24].

Но господствующая идеология национальной истории весьма смещает акценты³. Если о механизмах социальной эволюции мы знаем по-прежнему очень мало, то было бы наивно полагать, что её законы свято чтят национальные границы. Границы, которые не игнорировал только тесно связанный с ними госаппарат, да и тот то и дело стремился пожить за счёт чужого суверенитета. Границам этим жёстко не подчинялись ни этничности, ни классы, ни религии. Даже семьи, зачастую, игнорировали это искусственное деление. Но для национального сознания это равнодушие к самому святому, конечно, неприемлемо. Такое сознание даже воскрешает то древнее мировоззрение, которое не было способно выразить целое иначе как через предание ему телесных форм. Общества, объединенные одной властью, стали называть «социально-историческими организмами». Но ещё более странно, когда в телесные формы вкладывают ещё и целые вселенные, утверждая, что каждому обществу свойственны свои законы развития. Эволюционные линии, конечно, могут расходиться. Но странно сочетать многолинейные (или нелинейные) подходы к эволюции с теологией закрытого финала.

А. Ю. Дворниченко не видит в России революций, потому что обращает внимание в первую очередь на преемственности: «Лучше наше сравнивать с нашим» [16, с. 177]. Даже в централизации управления экономикой большевиками исследователь видит продолжение царской политики [16, с. 228]. Но эффект от ранней политики советского государства заключался не просто в непомерной централизации. Экспроприруя капиталы, проводя эксперименты с рабочим контролем на предприятиях, советская власть расшатывала принятые в то время представления о границах дозволенного. А ведь это время, когда ещё даже кейнсианство не возникло, а о 8-ми часовом рабочем дне и женском избирательном праве в Европе и США могли только мечтать. События 1917 г. похожи на события 1789 г. именно в международном аспекте, в их общемировом значении. Они и волны локальных революций и освободительных войн породили, и деколонизацию. И даже то, как сейчас пытаются откреститься от революционного прошлого в России, напоминает нам об аналогичных ситуациях французской истории. Как пишет И. Валлерстайн: «Французам потребовалось два столетия, чтобы наконец более или менее договориться о положительном отношении к своей революции 1789 года как части национального наследия» [7, с. 25–26].

Современная политическая действительность, кажется, всей своей сущностью отрицает революционное и постреволюционное наследие. При этом общественность парадоксальным образом возводит на место основного национального героя русского Наполеона (место, которое согласно И. Валлерстайну к 2050 г. должен был занять В. И. Ленин [7, с. 26–28]) — И. В. Сталина [38]. Популярность диктатора растёт. При этом сталинизм, как теория, уже абсолютно нежизнеспособен (характерно, что наибольшей популярностью вождь пользуется у голосовавших за В. В. Жириновского). И. В. Сталин удобен тем, что, как и в случае с Наполеоном, в нём легко можно увидеть как реакционера, так и своеобразного революционера. Это конечно, если оставаться в рамках национально-патриотической парадигмы. Не от того ли это происходит, что И. В. Сталин и есть своего рода исторический аналог Наполеона? В этом, видимо, Л. Д. Троцкий был прав [37, с. 85, 229].

Что касается изучения возникновения и распространения религий в качестве волны революции. Думается, в современном мире едва ли кто-то будет отрицать, что до капитализма идеологическая борьба между разными социальными группами воспринималась как война религиозных или философских учений. Это было в равной мере и в Китае, и в Индии, и в Европе, и в странах ислама [35, с. 592]. Очевидно, что формирование и восприятие новой религии нередко приводило к изменению баланса влияния разных социальных групп на власть. При этом философии и религии содержали рецепты по государственному строительству. В то же время и буржуазные, и антикапиталистические великие революции ознаменовались существенными изменениями в идеологической сфере.

Критикуя использование нами некоторых теоретических наработок С. Амина, А. Ю. Дворниченко при этом, кажется, выступает против попыток создания универсального образа мировой истории вообще. Во всяком случае исследователь вспоминает множество совершенно различных в своей сущности концепций настоящего и прошлого, которые он объединяет термином «историософия» (что не совсем корректно). И противопоставляет им теории, которые читаются на курсах историографии. То есть, по всей видимости, национальную историю. Она, по мысли А. Ю. Дворниченко, более конкретна

³ Вопреки замечанию А. Ю. Дворниченко, *tributary system* не подобна «большой феодальной формации», хотя бы потому, что *tributary system* — мир-система, а «большая феодальная формация» это общественно-экономическая формация. Ей скорее соответствуют “*tributary formations*” С. Амина. Но и они имеют определённую специфику. О чём мы уже писали [35, с. 589].

[20, с. 88]. Масштаб исследуемого объекта, конечно, влияет на конкретику. Правда, не всегда. Сеть торговых путей, или, скажем, пути распространения пандемий, основные характеристики конкретной мировой религии, научные сети — явления одновременно и конкретные, и глобальные. Не более эмпиричными, на поверку, оказываются и попытки создать единую уникальную историю той или иной страны. Это справедливо и в отношении разработанной А. Ю. Дворниченко теории государственно-крепостнического строя (далее — ГКС), существующего будто бы с XVII в. по наши дни [17, с. 446–454]. Эта концепция столь же зависима от философии. Восприятию черт ГКС явно мешает эмоциональность, с которой А. Ю. Дворниченко его описывает. Как, например, можно представить социум, в котором государство отнимает всё у народа и делит это между управленцами, не оставляя ограбленным «ничего» [17, с. 447]? Сопоставление крепостного права с советской системой прописки А. Ю. Дворниченко заимствует у философов [17, с. 445]. Непонятно, на каком основании А. Ю. Дворниченко считает ГКС уникальным для России явлением. Чтобы утверждать подобное, нужен достаточно полный сравнительно-исторический анализ. С автором концепции, конечно, можно согласиться в том, что Россия, при всей своей авторитарности, не является восточной деспотией [17, с. 445]. Но существовала ли вообще где-нибудь восточная деспотия? Как пишет известный востоковед В. А. Якобсон, теория «Восточной деспотии» «не соответствует» современному уровню развития исторических знаний [48, с. 751].

Россия, естественно, не была ни мифическим, придуманным создателями «восточной деспотии» — французскими энциклопедистами, Востоком, ни столь же мифическим Западом. Проблема «прогрессивности» последнего для А. Ю. Дворниченко даже не стоит. Довольно умеренную точку зрения С. Амина, согласно которой средневековая Европа (примерно до XV в.) отставала от развитых цивилизаций Востока, А. Ю. Дворниченко называет «одним из комплексов восточных авторов, ведь ничего выше, чем европейская цивилизация человечество всё-таки создать не смогло и вряд ли уже сможет» [20, с. 89].

Но что по этому поводу пишут другие исследователи? Примерно к XVI в. относит возвышение Запада «глава американских историков», уроженец Ванкувера У. Макнилл [28, с. 839]. Согласно американцу Дж. Голдстоуну, «вплоть до середины XVIII в. европейцы восторгались богатствами, технологическими навыками и высококачественными товарами Востока». Но уже «к середине XIX в.» «азиаты стали казаться более бедными и отсталыми, чем европейцы» [11, с. 40]. А. Г. Франк и вовсе считает, что «Запад сначала купил себе место третьего класса на азиатском экономическом поезде, затем арендовал целый вагон и только в XIX в. вытеснил Азию с локомотива» [51, р. 37]. Даже Ренессанс, не то что христианство и иудаизм, по мнению исследователя, не повлияли на обретение атлантической цивилизацией гегемонии [51, р. 343]. А активное развитие в современном мире некоторых азиатских стран, согласно А. Г. Франку, может означать «что Запад и Восток снова поменяются местами в мировой экономике и в мире» [51, р. 320].

Когда С. Амин критиковал А. Г. Франка, он, пожалуй, выступал даже как защитник вклада Европы в современную цивилизацию [49, р. 120–158]. Но факт остаётся фактом: конкретные размеры этого вклада — вещь весьма дискуссионная. Не важно, в каком веке мы видим истоки современного благосостояния Европы: в XI, XIII, XIV, XV, XVI, XVII, XVIII или XIX. Сложно отрицать сам факт того, что Европа долгое время была пассивным потребителем чужих технологий. Если Запад в настоящий момент обладает гегемонией, это вовсе не значит, что он был столь же развит всегда. А иначе и зарождение человека современного типа придётся перенести из Африки в Европу, и изобретение алфавита, колеса и числа «ноль» приписать европейцам.

Но мы вернёмся к тому, с чего начали. Как бы интуитивный позитивизм не отрешивался от метафизики, он всё равно в ней нуждается. В данном случае неважно, что послужит её основой — психоанализ К. Г. Юнга, религиозная философия Н. А. Бердяева (как можно почувствовать «вечную женственную основу Церкви» [20, с. 91]?) или бытовые стереотипы (вроде веры в извечно прогрессивный и демократичный Запад), от которых не свободен ни один исследователь. При этом ничто не может воздерживать интуитивных позитивистов от того, чтобы применять по отношению к явно «не истинным» концепциям элементы постмодернистской критики, вопрошая: «а есть ли вообще прогресс?».

Эпоха постмодерна убила нашу веру в истину. Но этим она открыла новые горизонты, позволяя осознанно подходить к основаниям своего мышления. Как бы не хотелось всё знать, есть вещи, в которые пока можно только верить. Выбирая между двумя крайними утверждениями: «изменение вечно» и «ничто никогда не изменяется», И. Валлерстайн справедливо отмечал, что вера в прогресс или его отрицание сегодня — это моральный и интеллектуальный выбор [9, с. 21]. Вот и мы с А. Ю. Дворниченко

устроили полемику вокруг схожего вопроса, только в более локальной плоскости. Всё менялось в России или всё оставалось неизменным? На наш взгляд, способы отрицать кардинальные переходы, во всяком случае, в гуманитарных науках, универсальны. Отличие А. Ю. Дворниченко от А. Г. Франка в том, что последний не стал щадить в этом отношении и святая святых — благословенный Запад. Однако опасаемся, что эту логику можно развить ещё дальше. И прийти к выводу о том, что современное человечество недалеко ушло от огромного муравейника. Мы (в принципе) не против этой логики. С тем лишь добавлением, что в ближайшее время ей суждено оставаться именно способом мышления, а не фактом. Границы «человечного» в человеке, в любом случае покажет только время. Люди будущего едва ли прислушаются к нашим советам. Они, хочется верить, будут мудрее нас.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Берёзкин Ю. Е. О структуре истории: временные и пространственные составляющие // История и Математика: Концептуальное пространство и направления поиска. М.: ЛКИ, 2008. С. 88–98.
2. Берент М. Безгосударственный полис: ранее государство и древнегреческое общество // Альтернативные пути к цивилизации. М.: Логос, 2000. С. 235–258.
3. Блок М. Феодалное общество. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. 504 с.
4. Бэкон Ф. Сочинения в 2 т. М.: Мысль, 1977. Т. 1. 570 с.
5. Вагнер Г. К. О змеевидной композиции на древнерусских амулетах-змеевиках // Краткие сообщения института Археологии. Вып. 85. М., 1961. С. 26–30.
6. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Университетская книга, 2001. 416 с.
7. Валлерстайн И. Ленин и ленинизм сегодня и послезавтра // Эксперт. 2011. № 1 (735). С. 23–28.
8. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: введение. М.: Территория будущего, 2006. 248 с.
9. Валлерстайн И. Социальное изменение вечно? Ничто никогда не изменяется? // Социологические исследования. 1997. № 1. С. 8–21.
10. Велецкая Н. Н. О генезисе древнерусских «змеевиков» // Древности славян и Руси. М.: Наука, 1988. С. 206–211.
11. Голдстоун Дж. Почему Европа? Возвышение Запада в мировой истории, 1500–1850. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. 224 с.
12. Грибанова Г. И. Русская революция и современное социальное государство // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Политология. Международные отношения. 2018. Т. 11. Вып. 1. С. 33–41.
13. Гринин Л. Е. Революция в России и трансформация мир-системы // Век глобализации. 2017. № 3. С. 97–112.
14. Дворниченко А. А существовало ли государство Киевская Русь? // Родина. 2012. № 9. С. 79–82.
15. Дворниченко А. Ю. Зеркала и химеры. О возникновении древнерусского государства. СПб., М.: ЕВРАЗИЯ, ИД Клио, 2014. 560 с.
16. Дворниченко А. Ю. Прощание с Революцией. М.: Весь мир, 2018. 272 с.
17. Дворниченко А. Ю. Российская история с древнейших времен до падения самодержавия. Учеб. пособие. М.: Весь Мир, 2010. 944 с.
18. Дворниченко А. Ю. Русские земли Великого княжества Литовского. Очерки истории общины, сословий, государственности (до начала XVI в.). СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1993. 240 с.
19. Дворниченко А. Ю. Смута как фактор российской истории // Вестн. С.-Петерб. ун-та. История. 2018. Т. 63. Вып. 3. С. 677–701.
20. Дворниченко А. Ю. Эволюция. Инволюция? Революция! (В связи со статьей Д. В. Пузанова «“Революция” 1000 года в Восточной Европе: проблема прото- и пост революций») // Вестн. Удм. ун-та. Сер. История и филология. 2018. Т. 28. Вып. 4. С. 87–96.
21. Демченко Т. И. Правовое сознание в древнерусской и российской государственно-правовой жизни: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Ставрополь, 2011. 53 с.
22. Денисова И. М. Образ древнеславянского храма в русском народном искусстве // Этнографическое обозрение. 1992. № 5. С. 103–123.
23. Докинз Р. Расширенный фенотип: длинная рука гена. М: Астрель: CORPUS, 2010. 512 с.
24. Кагарлицкий Б. Наш друг Самир. URL: <http://rabkor.ru/columns/editorial-columns/2018/08/13/samir/?highlight=%D0%9D%D0%B0%D1%88%20%D0%B4%D1%80%D1%83%D0%B3%20%D0%A1%D0%B0%D0%BC%D0%B8%D1%80>
25. Крадин Н. Н. Вождество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М.: Вост. лит., 1995. С. 11–61.
26. Лебедев С. А. Философия науки: краткая энциклопедия (основные направления, концепции, категории). М.: Академический Проспект, 2008. 692 с.
27. Ловмянский Г. Религия славян и ее упадок (VI–XII вв.). СПб.: Академический проект, 2003. 512 с.
28. Мак-Нил У. Восхождение Запада: История человеческого сообщества. Киев; М.: Ника-Центр, Старклайт, 2004. 1064 с.

29. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Политиздат, 1957. Т. 6. С. 109–134.
30. Милов Л. В. По следам ушедших эпох: статьи и заметки. М.: Наука, 2006. 730 с.
31. Михайлова Т. А. «Против женщин, кузнецов и друидов...»: вера в женскую магию в традиционной ирландской культуре // Мифологема женщины-судьбы у древних кельтов и германцев. М.: Индрик, 2005. С. 322–334.
32. Нильсон М. Греческая народная религия. СПб.: Алетейя, 1998. 257 с.
33. Подгорнова Н. П. Туареги // Вопр. истории. 2016. № 3. С. 121–130.
34. Пузанов Д. В. Природные явления в сакральной картине мира народов Восточной Европы. Древняя Русь и ее соседи: IX–XIII вв. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2018. 480 с.
35. Пузанов Д. В. «Революция» 1000 года в Восточной Европе: проблема прото- и пост революций // Вестн. Удм. ун-та. Сер. История и филология. 2018. Т. 28. Вып. 4. С. 588–598.
36. Топорков А. Л. «В наших Сказаниях не всё то помещено, что известно в селениях» (Фольклорные записи из архивного собрания И. П. Сахарова) // Традиционная культура. 2014. №4. С. 140–154.
37. Троцкий Л. Преданная революция. М.: НИИ культуры, 1991. 258 с.
38. Уровень одобрения Сталина россиянами побил исторический рекорд. URL: <https://www.levada.ru/2019/04/16/uroven-odobreniya-stalina-rossiyanami-pobil-istoricheskij-rekord/>
39. Фесенкова Л. В. Теория эволюции и её отражение в культуре. М., 2003. 174 с.
40. Флёров В. С. О государственной материальной культуре и государстве Хазарский каганат // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расслоение, война как факторы политогенеза. 24 чтения памяти чл.-кор. АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 18–20 апр. 2012 г. Материалы конф. М., 2012. С. 260–266.
41. Фроянов И. Я. Киевская Русь. Главные черты социально-экономического строя. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. 372 с.
42. Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1980. 258 с.
43. Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. 269 с.
44. Чебаненко С. Б. Княжеский и народный суд в Древней Руси: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2007. 24 с.
45. Эверетт Д. Л. Не спи — кругом змеи! Быт и язык индейцев амазонских джунглей. М.: Изд. Дом ЯСК, 2016. 384 с.
46. Юнг К. Г. Воспоминания, сновидения, размышления. Минск: Харвест, 2003. 496 с.
47. Юнг К. Г. Душа и миф: шесть архетипов. М.; Киев: «Совершенство», «Port-Royal», 1997. С. 11–208.
48. Якобсон В. А. «Восточная деспотия» // Большая российская энциклопедия. Т. 5: Великий князь — Восходящий узел орбиты. М.: Науч. изд-во «Большая российская энциклопедия», 2006. С. 751–752.
49. Amin S. Global History. A View from the South. Cape Town; Dakar; Nairobi; Oxford: Pambazuka Press, 2011. 195 p.
50. Amin S. Theory is History. Cham; Heidelberg; New York; Dordrecht; London: Springer, 2014. 143 p.
51. Frank A. G. ReOrient: Global Economy in the Asian Age. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1998. 416 p.

Поступила в редакцию 25.05.2019

Пузанов Даниил Викторович, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник
отдела исторических исследований
ФГБУН «Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН»
426067, Россия, г. Ижевск, ул. Т. Барамзиной, 34
E-mail: puzanov_dv@udman.ru

D.V. Puzanov

REVOLUTION: AXIOM, MYTH OR ABSTRACTION? (RESPONSE TO A.YU. DVORNICHENKO)

DOI: 10.35634/2412-9534-2019-29-4-637-649

The work is an answer to the polemical response of A. Yu. Dvornichenko addressed to its author's article, in which it was suggested that the process of spread of state relations in Eastern Europe can be viewed as a wave of pre-capitalist revolution. A. Yu. Dvornichenko contrasts the concept of world universal revolutions with his own view of the history of Russia as a purely evolutionary process in which revolutions have no place. Any universal theory, according to A. Yu. Dvornichenko, is not specific. The author of this answer notes that the evolutionary scheme of Russian history by A. Yu. Dvornichenko cannot be called more specific than the theories he criticizes. And in itself, national history does not mean greater empirical and specific research. The author of the work cites a number of additional arguments in favor of the theoretical model presented in 2018.

Keywords: revolution, positivism, progress, national history, world religions, Russian history.

REFERENCES

1. *Berezkin Yu. E.* O strukture istorii: vremennye i prostranstvennye sostavljajushhie [On the Structure of History: Time and Spatial Constituents]. *Istorija i Matematika: Konceptual'noe prostranstvo i napravlenija poiska* [History and Mathematics: Conceptual Space and the Trend for Search]. Moscow, LKI Publ., 2008, pp. 88–98. (In Russian).
2. *Berent M.* Bezgosudarstvennyj polis: rannee gosudarstvo i drevnegrecheskoe obshhestvo [The Stateless Polis: the Early State and the Ancient Greek Society]. *Al'ternativnye puti k civilizacii* [Alternative Way to Civilization]. Moscow, Logos Publ., 2000, pp. 235–258. (In Russian).
3. *Bloch M.* Feodal'noe obshhestvo [Feudal Society]. Moscow, Sabashnikov Publ., 2003. 504 p. (In Russian).
4. *Bacon F.* Sochinenija v 2 t. [Works in 2 vol.]. Moscow, Mysl' Publ., 1977, vol. 1, 570 p. (In Russian).
5. *Wagner G. K.* O zmeevidnoj kompozicii na drevnerusskikh amuletah-zmeevikah [On the serpentine composition on the ancient Russian snake amulets]. *Kratkie soobshhenija instituta Arheologii* [Brief Communications Institute of Archeology]. Moscow, 1961, issue 85, pp. 26–30. (In Russian).
6. *Wallerstein I.* Analiz mirovyh sistem i situacija v sovremennom mire [The analysis of world systems and the situation in the modern world]. St. Petersburg, Universitetskaja kniga Publ., 2001, 416 p. (In Russian).
7. *Wallerstein I.* Lenin i leninizm segodnja i poslezavtra [Lenin and Leninism today and the day after tomorrow]. *Jekspert* [Expert], 2011, no 1 (735), pp. 23–28. (In Russian).
8. *Wallerstein I.* Mirostemyj analiz: vvedenie [World-Systems Analysis: An Introduction]. Moscow, Territorija budushhego Publ., 2006, 248 p. (In Russian).
9. *Wallerstein I.* Social'noe izmenenie vечно? Nichto nikogda ne izmenjaetsja? [Social Change? Change is eternal. Nothing ever Changes]. *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological Research], 1997, no 1, pp. 8–21. (In Russian).
10. *Veleckaja N. N.* O genezise drevnerusskikh “zmeevikov” [About the Genesis of the Old Russian snake amulets]. *Drevnosti slavjan i Rusi* [Antiquities of the Slavs and Russia]. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 206–211. (In Russian).
11. *Goldstone J.* Pochemu Evropa? Vozvyshenie Zapada v mirovoj istorii, 1500–1850 [Why Europe? The Rise of the West in World History, 1500–1850]. Moscow, Gaidar Institute Press, 2014, 224 p. (In Russian).
12. *Gribanova G. I.* Russkaja revoljucija i sovremennoe social'noe gosudarstvo [Russian revolution and the modern welfare state]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Politologija. Mezhdunarodnye otnoshenija* [Bulletin of Saint Petersburg University. Political Science. International Relations], 2018, vol. 11, issue 1, pp. 33–41. (In Russian).
13. *Grinin L. E.* Revoljucija v Rossii i transformacija mir-sistemy [The revolution in Russia and the transformation of the World System]. *Vek globalizacii* [Age of Globalization], 2017, no. 3, pp. 97–112. (In Russian).
14. *Dvornichenko A.* A sushhestvovalo li gosudarstvo Kievskaja Rus'? [Did Kievan Rus exist?]. *Rodina* [Motherland], 2012, no. 9, pp. 79–82. (In Russian).
15. *Dvornichenko A. Yu.* Zerkala i Ximery. O voznikovenii drevnerusskogo gosudarstva [Mirrors and Chimeras. On the Emergence of the Ancient Russian State]. St. Petersburg, Moscow, Evraziya Publ., Klio Publ., 2014, 560 p. (In Russian).
16. *Dvornichenko A. Yu.* Proshhanie s Revolyuciej [Farewell to Revolution]. Moscow, Ves' Mir Publ., 2018, 272 p. (In Russian).
17. *Dvornichenko A. Yu.* Rossijskaja istoriya s drevnejshix vremyon do padeniya samodержaviya [Russian History from Ancient Times to the Fall of the Autocracy]. Moscow, Ves' Mir Publ., 2010, 944 p. (In Russian).
18. *Dvornichenko A. Yu.* Russkie zemli Velikogo knjazhestva Litovskogo. Oчерki istorii obshhiny, soslovij, gosudarstvennosti (do nachala XVI v.) [Russian lands of the Grand Duchy of Lithuania. Essays on the history of the community, estates, statehood (until the beginning of the 16 century.)]. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 1993, 240 p. (In Russian).
19. *Dvornichenko A. Yu.* Smuta, kak faktor rossijskoj istorii [Smuta as a Factor of Russian History]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Istorija* [Bulletin of Saint Petersburg University. History], 2018, vol. 63, issue 3, pp. 677–701. (In Russian).
20. *Dvornichenko A. Yu.* Jevoljucija. Involjucija? Revoljucija! (V svjazi so stat'ej D. V. Puzanova “‘Revoljucija’ 1000 goda v Vostochnoj Evrope: problema proto- i post revoljucij” [Evolution. Involution? Revolution! (in connection with the article of Puzanov D. V. “‘Revolution’ of the 1000 year in Eastern Europe: the problem of proto and post revolutions”]). *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Serija Istorija i filologija* [Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology], 2018, vol. 28, issue 4, pp. 87–96. (In Russian).
21. *Demchenko T. I.* Pravovoe soznanie v drevnerusskoj i rossijskoj gosudarstvenno-pravovoj zhizni: avtoref. dis. ... dok. juridich. nauk [Legal Consciousness in the Old and the Russian state and legal life: the dissertation author's abstract ... dr. jur. sciences]. Stavropol', 2011, 53 p. (In Russian).
22. *Denisova I. M.* Obraz drevneslavjanskogo hrama v russkom narodnom iskusstve [Ancient Slavonic Shrine in Russian Folk Art]. *Jetnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 1992, no. 5, pp. 103–123. (In Russian).
23. *Dawkins R.* Rasshirennyj fenotip: dlinnaja ruka gena [The Extended Phenotype. The Long Reach of the Gene]. Moscow, Astrel': CORPUS Publ., 2010, 512 p. (In Russian).

24. *Kagarlitsky B.* Nash drug Samir [Our friend Samir]. URL: <http://rabkor.ru/columns/editorial-columns/2018/08/13/samir/?highlight=%D0%9D%D0%B0%D1%88%20%D0%B4%D1%80%D1%83%D0%B3%20%D0%A1%D0%B0%D0%BC%D0%B8%D1%80> (In Russian).
25. *Kradin N. N.* Vozhdestvo: sovremennoe sostojanie i problemy izucheniya [Chiefdom: Current State and Problems of Study]. Rannie formy politicheskoy organizacii: ot pervobytnosti k gosudarstvennosti [Early forms of political organization: From primitiveness to statehood]. Moscow, Vost. lit. Publ., 1995, pp. 11–61. (In Russian).
26. *Lebedev S. A.* Filosofija nauki: kratkaja jenciklopedija (osnovnye napravlenija, koncepcii, kategorii) [The philosophy of science: the concise encyclopedia (the main trends, conceptions, categories)]. Moscow, Akademicheskij Prospekt Publ., 2008, 692 p. (In Russian).
27. *Lovmyanskii G.* Religija slavyan i eyo upadok (VI–XII vv.) [Religion Slavs and its Decline (6–12 centuries)]. St. Petersburg, Akademicheskij proekt Publ., 2003, 512 p. (In Russian).
28. *McNeill W.* Voskhozhdenie Zapada: Istoriya chelovecheskogo soobshchestva [The Rise of the West. A History of the Human Community]. Kiev, Moscow, Nika-Tsentr, Starklajt Publ., 2004, 1064 p. (In Russian).
29. *Marx K., Engels F.* Sochinenija [Works]. Moscow, Politizdat Publ., 1957, vol. 6, pp. 109–134. (In Russian).
30. *Milov L. V.* Po sledam ushedshih jepoh: stat'i i zametki [In the footsteps of bygone eras: articles and notes]. Moscow, Nauka Publ., 2006, 730 p. (In Russian).
31. *Mikhailova T. A.* “Protiv zhenshin, kuznecov i druidov...”: vera v zhenskiju magiju v tradicionnoj irlandskoj kul'ture [“Against women, blacksmiths and druids...”: belief in female magic in traditional Irish culture]. Mifologema zhenshhiny-sud'by u drevnih kel'tov i germancev [Mythologem of female fate among the ancient Celts and Germans]. Moscow, Indrik Publ., 2005, pp. 322–334. (In Russian).
32. *Nilsson M.* Grecheskaja narodnaja religija [Greek popular religion]. St. Petersburg, Aletejja Publ., 1998, 257 p. (In Russian).
33. *Podgornova N. P.* Tuaregi [Tuaregs]. Voprosy istorii [Questions of History], 2016, no. 3, pp. 121–130. (In Russian).
34. *Puzanov D. V.* Prirodnye javlenija v sakralnoj kartine mira narodov Vostochnoj Evropy. Drevnjaja Rus i ee sosedi: IX–XIII vv. [Natural phenomena in the sacral world view of the peoples of Eastern Europe. Old Rus and its neighbors: 9–13 centuries]. St. Petersburg, Oleg Abyshko Publ., 2018, 480 p. (In Russian).
35. *Puzanov D. V.* “Revoljucija” 1000 goda v Vostochnoj Evrope: problema proto- i post revoljucij [“Revolution” of the year 1000 in Eastern Europe: the problem of proto and post revolutions]. Vestnik Udmurtskogo universiteta. Serija Istorija i filologija [Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology], 2018, vol. 28, issue 4, pp. 588–598. (In Russian).
36. *Toporkov A. L.* “V nashih Skazaniyah ne vse to pomesheho, chto izvestno v selenijah” (Fol'klornye zapisi iz arhivnogo sobranija I. P. Saharova) [“In our Tales, not everything is placed in what is known in the villages” (Folklore records from the archive collection of I. P. Sakharov)]. Tradicionnaja kul'tura [Traditional culture], 2014, no. 4, pp. 140–154. (In Russian).
37. *Trotsky L.* Predannaja revoljucija [The Revolution Betrayed]. Moscow, NII kul'tury Publ., 1991, 258 p. (In Russian).
38. Uroven' odobrenija Stalina rossijanami pobil istoricheskij rekord [The level of approval of Stalin, the Russians broke the historical record] // URL: <https://www.levada.ru/2019/04/16/uroven-odobreniya-stalina-rossijanami-pobil-istoricheskij-rekord/> (In Russian).
39. *Fesenkova L. V.* Teorija jevoljucii i ee otrazhenie v kul'ture [The theory of evolution and its reflection in culture]. Moscow, 2003, 174 p. (In Russian).
40. *Flerov V. S.* O gosudarstvennoi material'noi kul'ture i gosudarstve Khazarskii kaganat [On State Material Culture and the State of the Khazar Khaganate]. Vostochnaja Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Migratsii, rassloenie, voyna kak factory politogeneza. 24 chteniia pamiati chlena-korrespondenta AN SSSR Vladimira Terent'evicha Pashuto. Moskva, 18–20 aprelia 2012 goda. Materialy konferentsii [Eastern Europe in Antiquity and the Middle Ages. Migration, Stratification, War as Factors of Political Genesis. 24 readings of the memory of Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences Vladimir Terentyevich Pashuto]. Moscow, 2012, pp. 260–266. (In Russian).
41. *Froyanov I. Ya.* Kievskaja Rus'. Glavnye cherty sotsial'no-ekonomicheskogo stroia [Kievan Rus. The Main Features of the Socio-Economic System]. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 1999, 372 p. (In Russian).
42. *Froyanov I. Ya.* Kievskaja Rus'. Oчерки sotsial'no-politicheskoi istorii [The Kiev Rus. Essays on Socio-Political History]. Leningrad, Leningrad University Press, 1980, 258 p. (In Russian).
43. *Froyanov I. Ya., Dvornichenko A. Yu.* Goroda-gosudarstva Drevnei Rusi [The City-States of Old Rus]. Leningrad, Leningrad University Press, 1988, 269 p. (In Russian).
44. *Chebanenko S. B.* Knjazheskij i narodnyj sud v Drevnej Rusi: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Princely and people's court in Ancient Russia: the dissertation author's abstract ... cand. of hist. sciences]. St. Petersburg, 2007, 24 p. (In Russian).
45. *Everett D. L.* Ne spi — krugom zmei! Byt i jazyk indejcev amazonskih dzhunglej [Don't sleep, there are snakes. Life and Language in the Amazonian Jungle]. Moscow, LRC Publ., 2016, 384 p. (In Russian).
46. *Jung C. G.* Vospominanija, snovidenija, razmyshlenija [Memories, Dreams, Reflections]. Minsk, Harvest Publ., 2003, 496 p. (In Russian).

47. *Jung K. G.* Dusha i mif: shest' arhetipov [Soul and myth: six archetypes]. Moscow, Kiev, "Sovershenstvo" Publ., "Port-Royal" Publ., 1997, pp. 11–208. (In Russian).
48. *Jacobson V. A.* "Vostochnaja despotija" ["Oriental despotism"]. Bol'shaja rossijskaja jenciklopedija [Great Russian Encyclopedia]. Vol. 5: Velikij knjaz' — Voshodjashhij uzel orbity [Great Prince — Ascending node of the orbit]. Moscow, Scientific Publ. "Bol'shaja rossijskaja jenciklopedija", 2006, pp. 751–752. (In Russian).
49. *Amin S.* Global History. A View from the South. Cape Town, Dakar, Nairobi, Oxford, Pambazuka Press, 2011, 195 p.
50. *Amin S.* Theory is History. Cham, Heidelberg, New York, Dordrecht, London, Springer, 2014, 143 p.
51. *Frank A. G.* ReOrient: Global Economy in the Asian Age. Berkeley, Los Angeles, London, University of California Press, 1998, 416 p.

Received 25.05.2019

Puzanov D.V., Candidate of History, Junior Researcher of the Department of Historical Research
Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
T. Baramzinoy st., 34, Izhevsk, Russia, 426067
E-mail: puzanov_dv@udman.ru